

Значение культурного наследия. В. И. Ленин о культурном наследии. Для того, чтобы правильно оценить значение древней русской литературы, необходимо усвоить два основных положения В. И. Ленина в его учении о культурном наследии. Первое положение В. И. Ленина подчеркивает значение культурного наследия в строительстве новой культуры. В. И. Ленин говорит: «Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру, — без такого понимания нам этой задачи не разрешить. Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества. Все эти пути и дорожки подводили и подводят, и продолжают подводить к пролетарской культуре...»¹.

Второе положение учения В. И. Ленина о культурном наследии состоит в том, что культурное наследие представляет огромную ценность и само по себе. Эту ценность старой культуры В. И. Ленин подчеркивает неоднократно: «Марксизм завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеологии революционного пролетариата тем, что марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры»².

Пропаганда классического наследия являлась, с точки зрения В. И. Ленина, одной из сторон широкого идейного просвещения масс. Среди первых декретов Советской власти был и декрет о сохранении «культурных сокровищ народа», о переходе музеев в государственную собственность. Уже в 1918 г. В. И. Ленин подписал постановление Совета Народных Комиссаров «Об установке памятников великим деятелям социализма, революции и культуры». Среди великих представителей культуры прошлого,

¹ Ленин В. И. Задачи союзов молодежи. Речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г. — Полн. собр. соч., т. 41, с. 304—305.

² Ленин В. И. О пролетарской культуре. — Полн. собр. соч., т. 41, с. 337.

которых следовало увековечить, значился и памятник великому древнерусскому художнику Андрею Рублеву.

Значение древнерусской литературы XI—XVII вв. Значение древнерусской литературы состоит, во-первых, в том, что она помогает нам понять достижения великой русской литературы XIX и XX вв. В древнерусской литературе находятся истоки высокой гражданственности и идейности русской литературы нового времени. Древняя русская литература передала русской литературе нового и новейшего времени свою высокую идейность, свой огромный художественный опыт, гибкость и богатство литературного языка, образной системы.

Во-вторых, в древнерусской литературе есть произведения, которыми русский народ вправе гордиться независимо от того, насколько они оказались важны для дальнейшего развития русской литературы. К таким произведениям, ценность которых чрезвычайно высока, относятся прежде всего «Повесть временных лет» — первая русская летопись, «Поучение Владимира Мономаха», «Слово о полку Игореве», «Слово о погибели Русской земли», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Повесть о Петре и Февронии Муромских», «Хождение за три моря Афанасия Никитина», «Житие протопопа Аввакума», «Повесть о Горелочастии». Перечисленные произведения далеко не исчерпывают собой все то лучшее, что создала русская литература за первые семь столетий своего существования.

Своеобразный характер бытования древнерусских литературных произведений. Русская литература XI—XVII вв. развивалась в своеобразных условиях. Она была целиком рукописной. Книгопечатание, появившееся в Москве в середине XVI в., очень слабо изменило характер и способы распространения литературных произведений. В основном и в XVII в. литературные произведения продолжали, как и раньше, распространяться путем переписки. При переписывании писцы вносили свои поправки, изменения, сокращения или, наоборот, развивали и расширяли текст. В результате памятники древней русской литературы по большей части не имели устойчивого текста. Новые редакции и новые виды произведений появлялись в ответ на новые требования, выдвигавшиеся жизнью, или возникали под влиянием изменений литературных вкусов.

Некоторые из древнерусских литературных сочинений читались и переписывались в течение нескольких веков. Другие быстро исчезали, но понравившиеся переписчикам части включались в состав других произведений, так как чувство авторской собственности еще не развилось настолько, чтобы охранять авторский текст от изменений или от заимствований из других произведений. В этом отношении есть нечто сходное между бытованием древнерусских литературных произведений и фольклорных.

«Литературный этикет». Общность древнерусской литературы с фольклором сказывается и в другом. Как и в фольклоре, в древнерусской литературе особое место занимают «общие места».

Литературное произведение Древней Руси стремится не поразить читателя новизной, а, напротив, — успокоить и «заворожить» его привычностью. Составляя свое литературное произведение, автор как бы совершает некий обряд, участвует в ритуале. Он обо всем рассказывает в подходящих рассказываемому церемониальных формах. Он восхваляет или порицает то, что принято восхвалять и порицать, и всему своему славословию или хуле он придает приличествующие случаю формы. Поэтому текст литературных произведений — это текст, в основном лишенный художественных «неожиданностей». Эти неожиданности так же нежелательны, как нежелательны они в любых церемониях, в любых обрядах.

Изучая приемы абстрагирования и этикетность древней русской литературы, надо иметь однако в виду, что то и другое не охватывало литературные произведения целиком. Почти в каждом памятнике Древней Руси имеются многочисленные отступления от этикетности. В этих отступлениях автор выражал свое, непосредственное, человеческое отношение к тому, о чем он писал. В той или иной мере под влиянием чувства общественного возмущения преступлениями князей, сочувствия обездоленным или чувства любви, горя в произведение проникали элементы реалистичности, под воздействием которых постепенно изменялся литературный метод художественного изображения; в литературу проникало личностное, авторское начало, обогащались изобразительные средства.

Традиционность в литературе. Автор литературного произведения «обряжает» тему в соответствующий ей «литературный наряд». И это не только сближает литературу с фольклором, но приводит, как и в фольклоре, к особой импровизационности древнерусского литературного творчества, к его коллективности и к его традиционности. Чем строже следует автор традициям литературного этикета, тем легче ему творить в рамках этой традиционности новые и новые произведения. В результате литературные произведения Древней Руси не ограждены друг от друга строгими границами, текст их не закреплен точными представлениями о литературной собственности. В известной мере произведения повторяют привычные формы и поэтому как бы обладают некоторой «текучестью», неустойчивостью текста, отражающейся в общем литературном процессе не только «размытостью» хронологических границ, но и некоторой иллюзией заторможенности литературного процесса. Мы говорим об иллюзии заторможенности, ибо на самом деле развитие древнерусской литературы совершается достаточно быстро. Оно не медленнее, чем в новое время, — оно только труднее уловимо и сложнее определимо.

Но в историко-литературном процессе есть и такие стороны, которые не только затрудняют его наблюдение, но и облегчают. Облегчает наше наблюдение за развитием русской литературы прежде всего тесная связь литературы с историческим процес-

сом — своеобразный и очень резко выраженный средневековый историзм древнерусской литературы.

«Средневековый историзм» литературы Древней Руси. В чем же заключается этот «средневековый историзм»? Прежде всего в том, что художественное обобщение в Древней Руси строится в подавляющем большинстве случаев на основе единичного конкретного исторического факта. Новые произведения литературы Древней Руси всегда прикреплены к конкретному историческому событию, к конкретному историческому лицу. Это повести о битвах (о победах и поражениях), о княжеских преступлениях, о хождениях в святую землю и просто о реально существовавших людях: чаще всего о святых и о князьях-полководцах. Есть повести об иконах и о построении церквей, о чудесах, в которые верят, о явлениях, которые якобы совершились. Но нет новых произведений на явно вымышленные сюжеты. Вымысел, со средневековой точки зрения, равен лжи, а любая ложь недопустима. Даже проповедники избегают иносказаний и баснословий. Вымысел проникает из фольклора или встречается в переводных сочинениях, при этом вымышленные сюжеты (например, сюжеты притч) на русской почве постепенно приобретают историческую окраску, связываются с теми или иными историческими лицами.

Связь литературы с историей. Литература огромным потоком сопровождает русскую действительность, русскую историю, следует за ней по пятам. Разрыв между событием и первым литературным произведением о нем редко бывает велик. Последующие произведения изменяют и комбинируют первые, но редко создают совершенно новое освещение событий. Боясь лжи, писатели основывают свои произведения на документах, которыми считают и всю предшествующую письменность.

Гражданственность и патриотизм древнерусской литературы. «Средневековый историзм» русской литературы XI—XVII вв. находится в связи с другой важной ее чертой, сохранившейся и развивавшейся в русской литературе вплоть до наших дней: ее гражданственностью и патриотизмом.

Призванный рассматривать действительность, следовать этой действительности и ее оценивать, древнерусский писатель уже в XI в. воспринимал свой труд как труд служения родной стране. Древнерусская литература всегда отличалась особой серьезностью, пыталась отвечать на основные вопросы жизни, звала к ее преобразованиям, обладала разнообразными и всегда высокими идеалами.

Высокий патриотизм древнерусской литературы связан не только с гордостью авторов за Русскую землю, но и с их скорбью по поводу понесенных поражений, со стремлением вразумить князей и бояр, а порой и с попытками их осудить, возбудить против худших из них гнев читателей.

Все русские писатели, каждый по-своему, высоко оценивают писательское служение. Каждый из них в какой-то мере пророк-обличитель, а некоторые — просветители, распространители зна-

ний, истолкователи действительности, участники гражданской жизни в стране.

Это чувство высокого призвания писателя передается и русской литературе нового времени. Русская литература развивается под влиянием чувства высокой общественной ответственности ее создателей. Это постоянная особенность русской литературы на протяжении всего ее существования.

Периодизация истории древней русской литературы. Литература Древней Руси — свидетельство жизни. Вот почему сама история до известной степени устанавливает периодизацию литературы. Литературные изменения в основном совпадают с историческими. Как же следует периодизировать историю русской литературы XI—XVII вв?

Первый период истории древнерусской литературы — период относительного единства литературы. Литература в основном развивается в двух (взаимосвязанных культурными отношениями) центрах: в Киеве на юге и в Новгороде на севере. Он длится век — XI — и захватывает собой начало XII в. Это век формирования монументально-исторического стиля литературы. Век первых русских житий — Бориса и Глеба и киево-печерских подвижников — и первого дошедшего до нас памятника русского летописания — «Повести временных лет». Это век единого древнерусского Киево-Новгородского государства.

Второй период, середина XII — первая треть XIII в., — период появления новых литературных центров: Владимира Залесского и Суздаля, Ростова и Смоленска, Галича и Владимира Волынского; в это время возникают местные черты и местные темы в литературе, разнообразятся жанры, в литературу вносится сильная струя злободневности и публицистичности. Это период начавшейся феодальной раздробленности.

Целый ряд общих черт этих двух периодов позволяет нам рассматривать оба периода в их единстве (особенно принимая во внимание сложность датировки некоторых переводных и оригинальных произведений). Оба периода характеризуются господством монументально-исторического стиля. Поэтому литературу XI — первой трети XIII в. можно рассматривать как единую литературу Киевской Руси.

Далее наступает сравнительно короткий период монголо-татарского нашествия, когда создаются повести о вторжении монголо-татарских войск на Русь, о битве на Калке, взятии Владимира Залесского, «Слово о гибели Русской земли» и «Житие Александра Невского». Литература сжимается до одной темы, но тема эта проявляется с необыкновенной интенсивностью, и черты монументально-исторического стиля приобретают трагический отпечаток и лирическую приподнятость высокого патриотического чувства. Этот короткий, но яркий период следует рассматривать отдельно. Он легко выделяется.

Следующий период, конец XIV и первая половина XV в., — это век Предвозрождения, совпадающий с экономическим и куль-

турным возрождением Русской земли в годы, непосредственно предшествующие и последующие за Куликовой битвой 1380 г. Это период экспрессивно-эмоционального стиля и патриотического подъема в литературе, период возрождения летописания, исторического повествования и панегирической агиографии.

Во второй половине XV в. в русской литературе обнаруживаются новые явления: получают распространение памятники переводной светской повествовательной литературы (беллетристики), возникают первые оригинальные памятники такого типа, как «Повесть о Дракуле», «Повесть о Басарге». Эти явления были связаны с развитием реформационно-гуманистических движений в конце XV в. Однако недостаточное развитие городов (которые в Западной Европе были центрами Возрождения), подчинение Новгородской и Псковской республик, подавление еретических движений содействовало тому, что движение к Возрождению затормозилось. Завоевание турками Византии (Константинополь пал в 1453 г.), с которой Русь была тесно связана культурно, замкнуло Русь в собственных культурных границах. Организация единого Русского централизованного государства поглощала основные духовные силы народа. В литературе развивается публицистика; внутренняя политика государства и преобразования общества занимают все больше и больше внимания писателей и читателей.

С середины XVI в. в литературе все больше сказывается официальная струя. Наступает пора «второго монументализма»: традиционные формы литературы доминируют и подавляют возникшее было в эпоху русского Предвозрождения индивидуальное начало в литературе. События второй половины XVI в. задержали развитие беллетристичности, занимательности литературы.

XVII век — век перехода к литературе нового времени. Это век развития индивидуального начала во всем: в самом типе писателя и в его творчестве; век развития индивидуальных вкусов и стилей, писательского профессионализма и чувства авторской собственности, индивидуального, личностного протеста, связанного с трагическими поворотами в биографии писателя. Личностное начало способствует появлению силлабической поэзии и регулярного театра. Именно с XVII в. В. И. Ленин начинал новый период русской истории.

Несколько слов о названии народов. В данной книге мы говорим о Руси и русских X—XIII вв., хотя известно, что в этот период три братских народа еще не сформировались и представляли собой единое этническое целое: восточных славян. Мы пользуемся самоназванием восточных славян, — так они называли себя в летописи и во всех остальных памятниках, включая «Слово о полку Игореве». Но читатель должен твердо помнить, что Русь X—XIII вв. это еще не Россия, а русские в X—XIII вв. —

это восточные славяне в целом, предки современных русских, украинцев и белоруссов — трех братских народов.

Так же точно мы должны твердо усвоить, что татары древнерусских литературных памятников и фольклора — это не единое этническое понятие. Так памятники называют завоевателей и угнетателей Руси, объединенных под властью Чингизхана, Батыя, потом — Золотой орды. Объединения эти были разноплеменными, по преимуществу кочевников и полукочевников. Летопись в конце XV в. иногда называет этих врагов Руси — половцами. И это название также неточное. Недаром летописцы, описывая первое нашествие Чингизхана, говорили про «татар»: «их же никто добре не весть (не знает): кто есть и откуда пришли».

Отбор памятников для истории литературы. Само собой разумеется, что нет необходимости, да и возможности, рассматривать в истории литературы все памятники, бытовавшие в Древней Руси. Мы говорим по преимуществу о тех произведениях, которые продолжают нас интересовать и сегодня, о тех, которые входят в наше великое литературное наследие, о тех, что более известны и более нам понятны и доступны. Надо при этом учитывать, что такой отбор памятников ведет к некоторому упрощению перспективы — упрощению, допустимому и неизбежному.

Большие компилятивные памятники Древней Руси еще не изучены в достаточной мере: различные типы Палеи («Толковая», «Историческая» и мн. др.), Великие Четьи-Минеи, Прологи, сборники устойчивого содержания (как, например, «Златоуст», «Измарагд» и пр.) исследованы так мало, что о них трудно говорить в истории литературы. А между тем многие из них читались чаще и дошли до нас в большем количестве списков, чем памятники, нам знакомые, без которых не может обойтись история литературы, если она претендует иметь для современного читателя общеобразовательное значение. Так, например, «Измарагд», несомненно, читался чаще и имел большее значение в XVI—XVII вв., чем более известный в XIX и XX вв. «Домострой», который, кстати, и сам зависел от «Измарагда». И тем не менее мы включаем «Домострой» в историю русской литературы, а «Измарагд» опускаем. И делаем мы это вполне сознательно: «Домострой» не только известнее в истории русской культуры, чем «Измарагд», но он и более показателен для историко-литературного процесса. «Домострой» несет на себе отпечаток XVI в. В «Измарагде» же (XIV в.) следы своей эпохи (эпохи русского Предвозрождения) еще должны быть выявлены исследователями.

Несмотря на то что русскими литературными произведениями XI—XVII вв. занимались крупнейшие представители академической науки, древнерусская литература в своей массе исследована еще очень слабо.

Многие памятники не только не изучены, но и не изданы: не закончено издание «Великих Четьи-Миней», не издан «Еллинский и Римский летописец», научно не издан «Пролог», не опубликовано большинство сборников устойчивого состава, некоторые

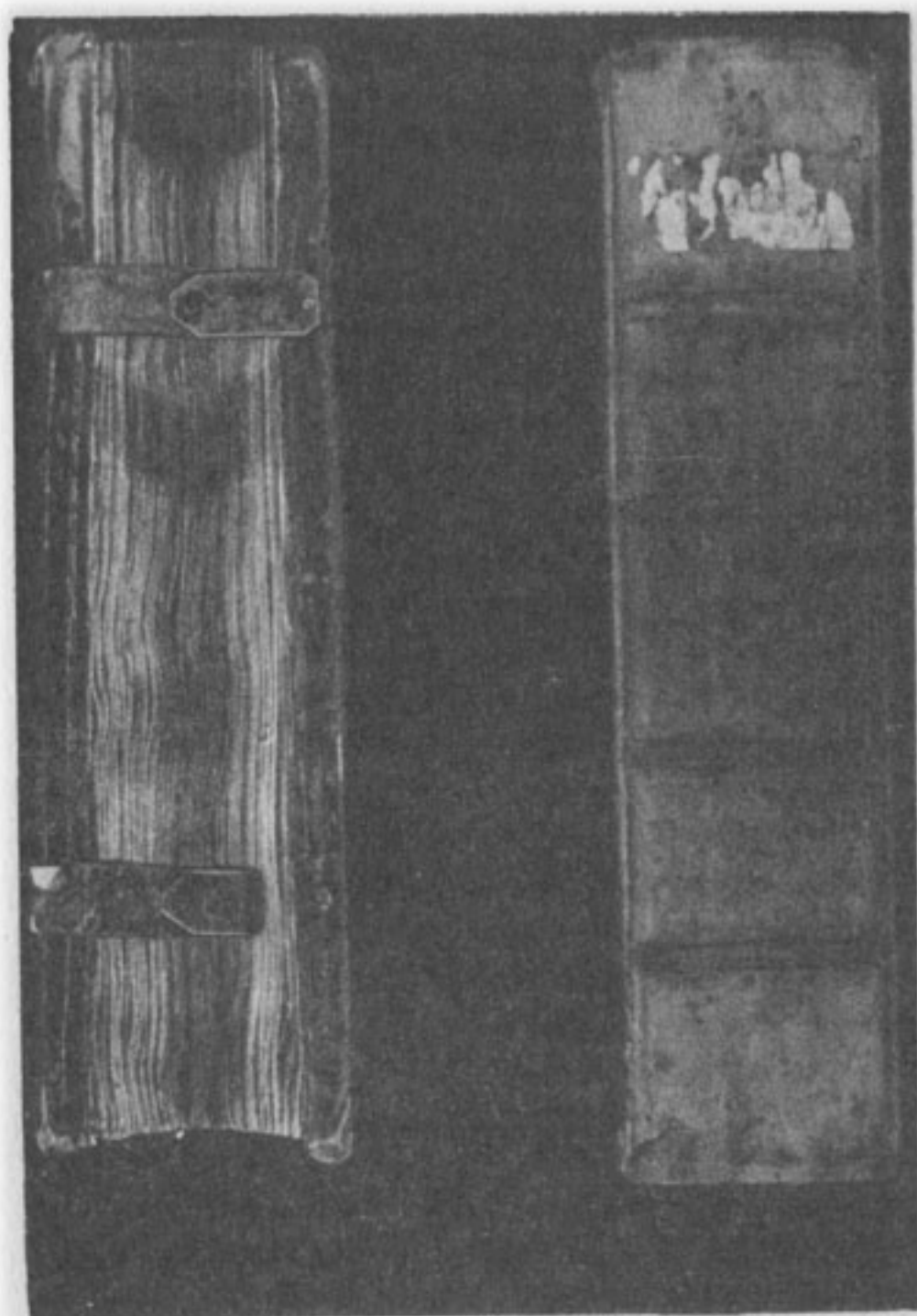
летописи. Научно не издан крупнейший писатель XVI в. — Максим Грек, только частично напечатаны произведения Симеона Полоцкого; нет научных изданий многих знаменитых памятников древнерусской литературы. Отдельные из рукописных собраний древнерусских памятников не описаны или описаны недостаточно точно и подробно по своему составу.

Собрания древнерусских рукописей литературного содержания. Главнейшие собрания древнерусских рукописей, включающие в себя древнерусские литературные произведения, хранятся в Москве, Ленинграде, Киеве. Имеются более или менее крупные собрания также в Новосибирске, Пскове, Ярославле, Владимире, Ростове, Костроме и некоторых других городах. В небольших количествах древнерусские рукописи рассеяны в различных краеведческих музеях, в научных библиотеках университетов и в архивах, а также находятся в частном владении у коллекционеров, у старообрядцев и их потомков и пр.

В Москве главные и очень большие собрания сосредоточены в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, в Государственном Историческом музее, в Центральном государственном архиве древних актов, в библиотеке Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. В Ленинграде главные собрания хранятся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Библиотеке Академии наук СССР, в Центральном государственном историческом архиве СССР, в Ленинградском отделении Института истории АН СССР, в Древлехранилище им. В. И. Малышева Института русской литературы АН СССР. В Новосибирске рукописи находятся в Научной библиотеке, в Пскове — в Древлехранилище Псковского художественно-архитектурного музея-заповедника:

В каждом из главнейших перечисленных нами хранилищ рукописи содержатся в составе отдельных собраний. Есть собрания бывших монастырей, собрания тех или иных ученых, коллекционеров и пр. Так, например, в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина имеется собрание М. Погодина — ученого, купившего огромное собрание П. Строева и собиравшего также рукописи самостоятельно; есть собрание рукописей библиотеки Соловецкого монастыря, Кирилло-Белозерского монастыря и пр. В Древлехранилище им. В. И. Малышева рукописи хранятся по собирателям, от которых они были приобретены или получены в дар, но также и по местам, где они были найдены археографическими экспедициями, специально организованными для сбора рукописей. Есть собрание Карельское (рукописи, собранные в Карельской АССР), Усть-Цильмское, собранное в районе Усть-Цильмы, и пр. В Государственном Историческом музее есть собрание А. С. Уварова, но Уваров не только сам собирал рукописи, но приобрел большое собрание у купца Царского. То и другое собрание имеют отдельные печатные научные описания, и это надо иметь в виду, так как сведения о рукописях, напечатанные в одном научном описании, могут повто-

Обрез книги и корешок.
Лаврентьевская летопись.
1377г. (ГПБ).

ряться и уточняться в другом описании. Существует большая литература научных описаний тех или иных собраний в крупнейших рукописных хранилищах. Эти научные описания были созданы и изданы в различное время. Часть рукописей из этих научных описаний имела различную судьбу. Поэтому занимающийся рукописями должен иметь хотя бы поверхностное представление об истории главнейших собраний древнерусских рукописей. Обычно во всех крупнейших рукописных хранилищах имеется справочная библиотека, где эти научные описания доступны для пользования. Научные описания помогают разыскивать интересующие исследователя литературные памятники. Кроме печатных научных описаний, имеются также рукописные описания или картотеки различной степени полноты и точности. Есть путеводители по рукописным собраниям, дающие самые первые представления по истории собраний данного хранилища и приблизительную характеристику рукописей по содержанию. Исследователь должен уметь ориентироваться во всех этих описаниях и путеводителях, иметь представление об их достоинствах и недостатках. На первых порах при занятии рукописями рекомендуется пользоваться устны-

ми консультациями научных хранителей рукописей, которые обязаны помогать читателям в розыске необходимых им материалов, пропагандировать те рукописные сокровища, которые они бережно хранят.

Характер и типы древнерусских рукописей. Что представляют собой древнерусские рукописи? Наиболее распространенный тип рукописей с литературными материалами — это сборники. Писец переписывает различные произведения по какому-либо признаку в тетради. Тетради, писанные одним писцом, могли затем переплетаться самим писцом или переплетчиком.

Но бывало и так, что переплетчик собирал имевшиеся у него отдельные тетради разного времени и разных писцов и переплетал их просто потому, что они были одного формата или объединялись им по содержанию и пр. Такие сборники рукописей, переписанные разными писцами и иногда в различное время, принято называть конволютами.

Из сборников, писанных одним писцом, также различаются сборники определенного, т. е. традиционного, содержания, как например «Златоструй», «Измарагд», «Торжественник» и пр., и сборники неопределенного содержания, отражающие индивидуальные вкусы и интересы того или иного писца, писавшего и подбиравшего в них материалы для себя или для своего заказчика.

Крупные по масштабам произведения могли переписываться и переплетаться в отдельные книги: некоторые летописные своды, сочинения по всемирной истории, патерики, сочинения церковно-служебного характера, прологи — сборники кратких житий святых, расположенных по дням года, и т. д. Но небольшие сочинения, вроде «Моления Даниила Заточника» или «Слова о гибели Русской земли», отдельных книг не составляли.

В непереpletенном виде дошли до нас главным образом поздние рукописи — XVII—XVIII вв. — с древнерусскими материалами. Но их мало, сохранялись они плохо, так как их, очевидно, не ценили и не берегли.

Основные типы почерков. Тексты переписывались писцами либо в ширину всей страницы, либо в два столбца (особенно если формат рукописи был велик). Принято различать три типа почерков — устав (письмо торжественное, спокойное, крупное), полуустав во многих вариантах (это почерк более беглый, менее строгий, он может быть наклонным, но еще сохранять четкость и отдельное написание каждой буквы; почерк этот появляется с конца XIV в.) и, наконец, скоропись, в которой буквы, как и в наших рукописях, соединяются между собой связками, что давало писцу возможность писать относительно быстро.

Но, кроме этих основных почерков, есть много промежуточных типов: полуустав, переходящий в скоропись; каллиграфический полуустав, которым, между прочим, написаны тома Лицевого (т. е. иллюстрированного) летописного свода XVI в., своеобразная скоропись, которой написаны находимые в Новгороде и некоторых других древнерусских городах грамоты на бересте и пр.

ТА ДЕСАТНАДА
 ІАВЬСГО КЛНКО
 ПРНТАЖА АМЫ
 ТАРНЗАДАЛЕУЕ
 СТОІА НЕХОТЪА
 ШЕННОУНІЖКО
 КІАВЪЗБЕСТНА
 НБО НЪБНАШЕ
 ПЪРСНКОІА ГЛІА
 БЖЕОЦЪСТНМЪ
 НЪГРЪШЪННКОУ
 ГЛІАКАМЪ СЪНН
 ДЕСЬОПРАВЪДА
 НЪВЪДОМЪСВО
 Н ПАУЕОНОГО ІА
 КОБЪСЪВЪЗНО
 САНСАСЪМЪРН
 ТЪСА НСЪМЪРЪ

ІАНСАБЪЗНЕСЕ
 ТЪСА

ЦА НОІАБЕРА ПАЛА
 СТЪНМАБЕЗМА
 ЗДЪННКОМА КОЗМЪ
 НАДІНІАНОУ ЕКА ѿ

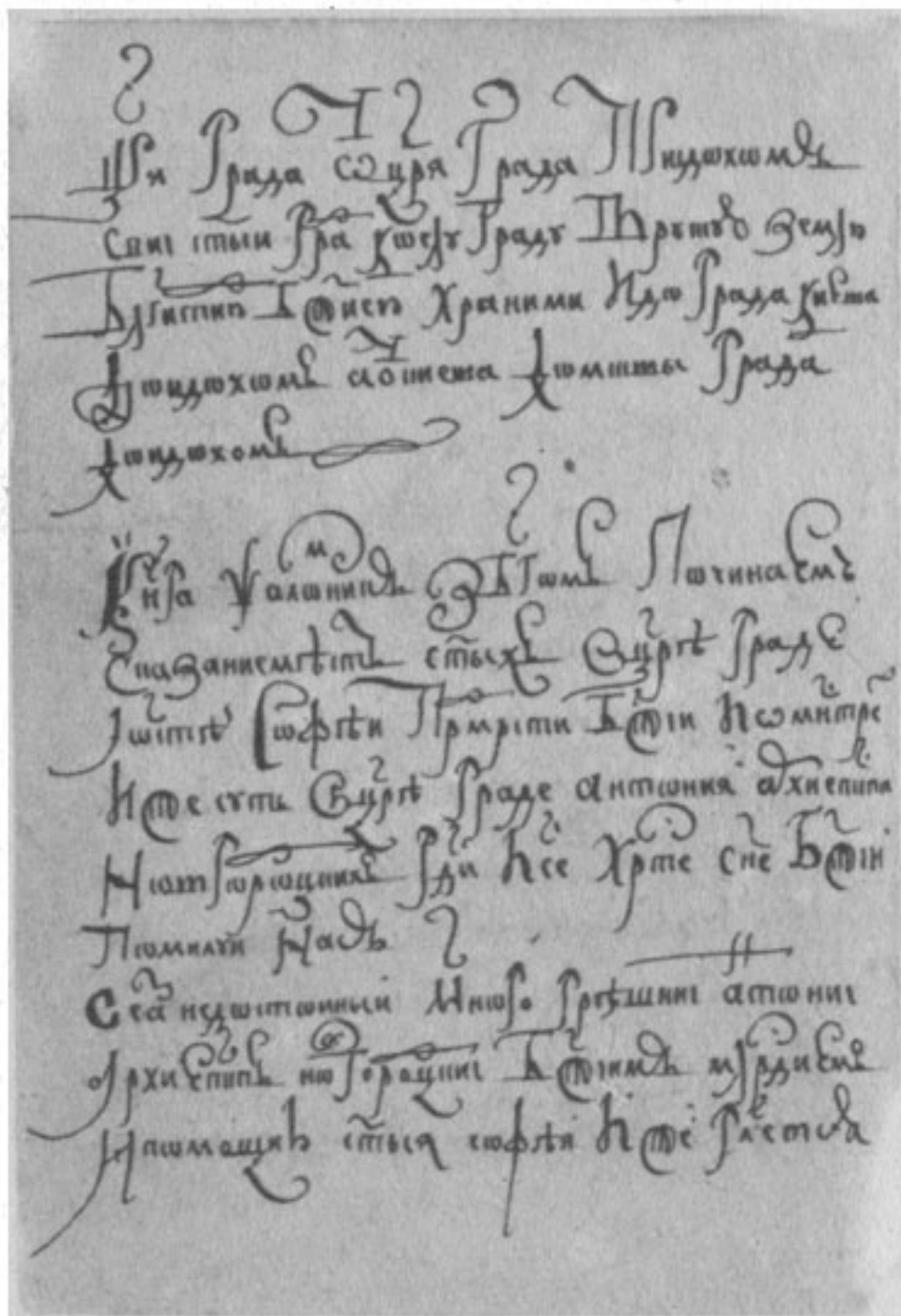
МА ГЛА О+

ВЪРЪМАОНО
 ПРНЗЪВАНІС
 ОБАНАДЕСАТЕ
 ОУУЕННКА
 СВОІАДАТЬ
 НМЪВЛАСТЬ НА
 ДОУСЪХЪНЕУНСТЫ
 НУЪ ДАНЗГОІА
 ТЪІА ННЦЪЛА

Остромирово евангелие. 1056—1057 гг. Лист с заставкой и инициалами (ГПБ).

Материал письма. Писались рукописи первоначально на особым образом выделанной коже. Кожа эта в Древней Руси имела несколько названий: говорили «кожа», «телятина», позднее — «хартія» (чаще всего материал этот выделялся из кожи телят). В науке этот материал носит название «пергамён» от названия города Пергам, где изготовление его якобы было усовершенствовано во II в. до н. э. (часто называют этот материал «пергамент», но предпочтительнее «пергамён»). Затем рукописи стали писаться на бумаге. Граница между употреблением перга-

Скоропись. Начало
«Книги Паломник»
Антония Новгородского.
XVII в. (ГПБ).

мена и бумаги проходит примерно на стыке XIV и XV вв., но точная грань указана быть не может. Бумага на Русь ввозилась. Есть сведения, что при Иване Грозном и в XVII в. была бумага и русского производства. На бумаге обычно имелись «водяные знаки», или «филиграни», видимые на просвет. При изготовлении бумажная масса, получавшаяся из старого тряпья, откидывалась на проволочную сетку. На изготовленных листах бумаги сохранялись следы этой сетки. Но самое главное состояло в том, что фабриканты, производившие бумагу, выкладывали на проволочной сетке знак своей фабрики. Эти знаки изнашивались, их приходилось менять, при этом знак варьировался. По этим бумажным знакам фабрикантов можно определять время изготовления бумаги, а вместе с тем и приблизительно устанавливать время написанной на этой бумаге рукописи. Существует множество альбомов, справочных руководств, по которым определяют «бумажный знак» и по нему же время, к которому относится он, а следовательно, и писанная на бумаге с этим знаком рукопись.

Изучение текстов литературных произведений в рукописях. Тексты литературных произведений, обнаруживаемые в рукопи-

цах, прежде всего изучаются с точки зрения — изданы они или нет. Если произведение известно уже в науке, то необходимо исследовать, совпадает ли найденный текст с теми, которые уже известны. Нет ли в обнаруженном тексте каких-либо индивидуальных особенностей и к какому из изданных текстов ближе обнаруженный текст?

Если исследователь поставил перед собой задачу изучить все тексты какого-либо произведения, то он должен прежде всего эти тексты разыскать по имеющимся научным описаниям, печатным и рукописным, путем просмотра не описанных еще рукописей, где обнаружение новых текстов еще возможно. Затем он делит все найденные им тексты на группы по имеющимся в них особенностям текста. Если он находит, что в одной из групп списков имеется сознательное стремление дать особый текст по идейным, стилистическим или каким-либо иным соображениям, то такую группу текстов называют редакцией произведения. Если в какой-то группе не обнаруживается сознательного стремления изменить текст, а есть только вариант текста, образовавшийся в результате нарастания ошибок в процессе переписки текста и их неудачных или более или менее удачных исправлений, то такая группа текстов называется видом или вариантом текста. Если в группе списков имеются местные особенности языка или диалекта, объединяемые, однако, каким-то общим процессом переписывания текста в данной стране или местности, то такая группа списков называется изводом. Извод может быть, например, новгородский, украинский, белорусский, болгарский, сербский, молдаво-влахийский. Иногда извод совпадает с редакцией (писец не только вносит особенности языка, но и сознательные изменения). Иногда текст, пройдя через переписку в разных местностях и странах, имеет смешанные изводы: украинско-сербский, болгаро-русский. Это значит, что текст переписывался сперва в одной стране, а потом в какой-либо другой стране и в тексте отложились особенности не одного только языка, но двух или даже трех. Дело в том, что в средние века рукописи, писанные на понятном во многих славянских странах литературном языке, часто перевозились из страны в страну, жертвовались, продавались и т. д. Бывало, что русский писец работал в Болгарии, на Афоне, в Константинополе или, наоборот, южнославянский писец переезжал на Русь и здесь занимался не только перепиской книг, но и самостоятельным литературным творчеством (болгарин-митрополит Киприан, Пахомий Серб и пр., см. о них ниже).

Вопросам изучения почерков рукописи, материалу, на котором рукописи писали, изучению текстов литературных произведений посвящены отдельные специальные дисциплины: палеография, текстология и некоторые другие.

Основные сведения по этим специальным научным дисциплинам можно получить в следующих изданиях:

Палеография. Щепкин В. Н. Русская палеография.

М., 1967 (первое издание — 1918—1920 гг.); Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956.

Текстология. Лихачев Д. С. Текстология на материале русской литературы X—XVII вв. М.—Л., 1962 (2-е изд., испр. и доп. Л., 1983); Он же. Текстология. Краткий очерк. М.—Л., 1964.

Основные исследования древней русской литературы. От XV, XVI и XVII вв. до нас сохранилось довольно много различных описей, оглавлений и каталогов библиотек, которые указывают на то, что уже в Древней Руси существовала потребность в систематизации сведений о книгах: оглавление к двенадцати томам Четых-Миней митрополита Макария (XVI в.), выполненное справщиком Евфимием, опись книг Иосифо-Волоколамского монастыря, опись книг патриарха Филарета (отца царя Михаила Федоровича) и мн. др.

Среди этих описаний и каталогов выделяется своею подробностью и точностью описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. неизвестным кирилло-белозерским монахом. Здесь даны сведения о формате, составе, содержании, объеме и (где это было возможным) о времени создания книг. Составитель описания приводит заглавия отдельных статей, воспроизводит начальные слова отдельных произведений, указывает количество листов в каждой статье и их порядок в книге. Благодаря тому что большинство описанных рукописных книг Кирилло-Белозерского монастыря сохранилось в собрании рукописей Государственной публичной библиотеки в Ленинграде, мы можем убедиться в точности и скрупулёзности сделанного описания.

Другой примечательный труд: «Оглавление книг, кто их сложил», составленный в XVII в. Печатные и рукописные книги описаны здесь также с большой подробностью, постатейно, с указанием заглавий отдельных статей и начальных слов каждой, отмечается наличие предисловий и послесловий, по возможности даются сведения об авторах. Интересно и важно, что автор «Оглавления» пользуется условными сокращениями и значками. Это давало большую экономию, унифицировало сведения, позволяло приводить сведения в строгой последовательности.

Древнерусской книжностью весьма интересовался Петр I. В 1722 г. он издал указ о собирании по монастырям и церковным епархиям различных «древних лет» рукописей на хартиях (т. е. на пергамёне) и на бумаге, причем особо выделил летописи, степенные книги и хронографы.

По личному приказанию Петра I была изготовлена (по тому времени весьма тщательно) копия Радзивилловской летописи, доставленная в 1716 г. из Кенигсберга в Петербург. Радзивилловская летопись не была забыта и в дальнейшем: в 1758 г. по распоряжению президента Академии наук сама летопись была также доставлена из Кенигсберга в Библиотеку Академии

Наук и началась подготовка ее издания. Текст Радзивилловской летописи вышел в свет в 1767 г.

После издания в 1767 г. Радзивилловской летописи были изданы «Русская летопись по Никонову списку» (начала выходить с 1767 г.), «Царственная книга» (1769), «Царственный летописец» (1772), «Древний летописец» (1774—1775), «Российская летопись по списку софейскому Великого Новаграда» (ч. I — 1795 г.), «Книга степенная царского родословия» (1775) и мн. др.

Энергично собирал древние рукописи и особенно летописи сподвижник Петра I, знаменитый русский историк В. Н. Татищев. В своей обширной «Истории Российской» В. Н. Татищев пытается уточнить сведения о русских летописях и других древнерусских памятниках.

В 20-х гг. XVIII в. была основана в Петербурге Академия наук¹. Немцы-академики: Г. Ф. Миллер и Авг. Шлецер — сделали очень многое для собирания и изучения различных памятников русской истории. Хотя Миллер тенденциозно в духе норманизма (норманизм — признание определяющей роли варягов-норманов в образовании государства Руси) истолковывал начальный период русской истории, ему принадлежит важная заслуга собирания ценнейших рукописных материалов и издание многих литературных памятников, в частности Степенной книги (в двух частях. М., 1775). Авг. Шлецер сорок лет трудолюбиво изучал русские летописи и издал обширную работу на немецком и русском языках, посвященную Несторовой летописи (немецкое издание — в 5-ти книгах — 1802—1809 гг., русское — в 3-х книгах — 1809—1819 гг.).

Очень многое для изучения древней русской литературы сделал знаменитый просветитель XVIII в. Н. И. Новиков. В 1772 г. он выпустил «Опыт исторического словаря о российских писателях», в котором были даны сведения более чем о 300 писателях с начала русской письменности, включая и XVIII в. В 1773—1774 гг. он издавал «Древнюю российскую вивлиофику» («вивлиофика» — это «библиотека» в новогреческом произношении). Первое издание «Вивлиофики» вышло в 10-ти томах. В 1788—1791 гг. «Вивлиофика» была расширена новыми материалами и вышла в 30-ти томах. В них было довольно много древнерусских литературных произведений.

Собирание рукописей и их публикации еще более усилились в начале XIX в. Опубликование в 1800 г. «Слова о полку Игореве» вызвало новый прилив интереса к древнерусским литературным произведениям. Еще более расширился этот ин-

¹ От Академии наук в Петербурге следует различать Российскую академию, научный центр по изучению русского языка и словесности. Российская академия просуществовала с 1783 по 1841 г., первым президентом ее была княгиня Е. Р. Дашкова. Главной заслугой Российской академии было составление и издание словаря русского языка (в 1789—1794 гг. вышло первое издание в 6-ти т., в 1806—1822 гг. — второе издание, значительно дополненное).

терес после войны 1812 г., сыгравшей значительную роль в развитии национального самосознания и углубления интереса к родной истории.

Особенное значение имела деятельность собирателя графа Н. П. Румянцева (1754—1826). Он приобретал старые рукописи и организовывал на свои средства экспедиции по древним монастырям. Собрание Румянцева было в 1861 г. перевезено из Петербурга в Москву и составило ядро книжного собрания «Румянцевского музеума» — ныне Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

Подробным научным описанием рукописей графа Румянцева занимался выдающийся русский филолог А. Х. Востоков (1781—1864). В 1842 г. вышло его «Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума», в котором дано постатейное описание рукописей, сделанное на основании кропотливых исследований. Описание это не утратило своего большого научного значения до сих пор и во многих отношениях может быть названо образцовым.

Из числа других сотрудников Н. П. Румянцева следует назвать друга Державина митрополита Евгения Болховитинова (1767—1837). Евгений Болховитинов всюду в древних русских городах, куда его назначали, собирал и изучал рукописи. Ему принадлежит два справочных издания: «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина» (два издания в двух томах — 1818 и 1827 гг.) и вышедший после смерти Болховитинова «Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России» (том первый — 1838 и оба тома вместе в 1845 гг.).

Сотрудником Румянцева был и рано умерший К. Ф. Калайдович (1792—1832). Последний впервые опубликовал много древнерусских произведений в книге «Памятники российской словесности XII в.» (1821) и издал исследование популярного в Древней Руси болгарского писателя X в. — «Иоанн, экзарх болгарский» (1824).

Наконец, из числа сотрудников Румянцева был и П. М. Строев (1796—1876). С 1829 по 1834 г. П. М. Строев систематически обследовал (во главе созданной им археографической экспедиции) рукописные собрания всех древних монастырей и собрал огромное количество ценнейших рукописей. В 1834 г. для научной разборки собранных П. М. Строевым рукописей была учреждена Археографическая комиссия, действовавшая вначале самостоятельно, а затем, с 1921 г., в составе Академии наук СССР до 30-х гг., когда она вошла со всем своим архивом в состав Ленинградского отделения Института Истории АН СССР. От разборки рукописей, привезенных археографической экспедицией, комиссия перешла вскоре к самостоятельному изучению древнерусских рукописей. Комиссией было опубликовано очень большое количество памятников. Особенное значение имело издание, начатое в 1841 г., «Полного собрания русских ле-

тописей», отдельные тома которого продолжают выходить и сейчас (в 1982 г. вышел 37-й том).

Как видим, весь XVIII в. и начало XIX в. принадлежат времени, когда древнерусские литературные произведения собирались, наряду с историческими, и изучались главным образом библиографически или книговедчески.

Само понятие «литература» в его современном смысле впервые появилось едва ли не у Карамзина¹. До того древнерусские памятники, литературные и исторические, собирались, изучались и издавались одними и теми же учеными и цели их исследований почти не различались. Поэтому первые попытки создать «историю литературы» возникают далеко не сразу.

Различные краткие обзоры истории древнерусской литературы появляются начиная с 20-х гг. XIX в. Из этих обзоров наибольший интерес представляет «История древней русской словесности» киевского ученого М. А. Максимовича (переиздана в III томе собрания его сочинений — Киев, 1880). М. А. Максимович (1804—1873) очень интересовался «Словом о полку Игореве» и впервые сделал обстоятельные сопоставления художественных особенностей «Слова» с народной поэзией. Интерес к художественной стороне древнерусских литературных произведений в известной мере отличает и его «Историю». В начале своей книги он впервые дал периодизацию историко-литературного процесса, связав его с общим ходом русской истории, но конкретное рассмотрение памятников Максимович довел только до XIII в.

В свое время известность приобрела «История русской словесности, преимущественно древней» С. П. Шевырева, впервые изданная в 1846 г. и переизданная в 1887 г. Книга эта была написана с романтических позиций идеализации старорусского духовного и церковного уклада. История литературы была в ней связана с историей церкви, в какой-то мере даже подчинена ей.

Во второй половине XIX в. развертывается научная деятельность крупнейших русских историков литературы: Ф. И. Буслаева (1818—1897), А. Н. Пыпина (1833—1904), Н. С. Тихонравова (1832—1893) и Александра Н. Веселовского (1838—1906).

В начале своей деятельности Ф. И. Буслаев принадлежал к мифологической школе, созданной в основном немецким ученым Я. Гриммом. С точки зрения мифологов, литературные сюжеты и фольклорные мотивы, темы восходят к глубокой древности, ко времени, когда индоевропейские народы жили на их предполагаемой общей прародине. В произведениях, восходящих к этой глубокой древности, якобы отразились мифологические воззрения далеких предков этих народов.

Воззрения мифологической школы сказались у Ф. И. Бус-

¹ См. об этом: Сухомлинов М. И. О трудах по истории русской литературы. — Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1871, август, с. 148 и сл.

лаева прежде всего в его исследованиях по русскому языку. Однако историко-сравнительный подход значительно смягчил у Ф. И. Буслаева крайности и фантазии мифологической школы. От этих крайностей, как известно, не удержались А. Н. Афанасьев, Орест Миллер и многие другие русские мифологи-фольклористы.

Целый ряд увлечений и направлений, которым следовал Ф. И. Буслаев, оказались очень плодотворными для изучения древней русской литературы: увлечение памятниками апокрифической литературы, интерес к «духовному стиху» с его неортодоксальными, чисто народными воззрениями, интерес к древнерусскому искусству в сопоставлении с памятниками литературы.

Последний из больших трудов Ф. И. Буслаева — «Русский лицевой Апокалипсис» (Спб., 1884) был для своего времени выдающимся искусствоведческим исследованием и в свою очередь подчеркивал значение народных воззрений.

При всей своей горячей любви к древней русской литературе и древнерусскому искусству Ф. И. Буслаев не отличался национальной ограниченностью. Значение мифологической школы Ф. И. Буслаева для изучения древнерусской литературы заключалось в том, что школа эта сопоставила древнерусские литературные произведения с мировыми памятниками и с общим развитием фольклора. Это было сильное и действенное преодоление взгляда на древнюю русскую литературу как на подражательную и беспомощную, отгороженную от единого развития мировой художественной словесности.

На смену мифологической школе пришла (и, в частности, в трудах самого Ф. И. Буслаева) теория литературного заимствования, начало которой было положено немецким ученым Т. Бенфеем. Это было возвращение к историзму и к конкретному исследованию отдельных сюжетов и мотивов. Историческая роль теории заимствований заключалась в том, что она заставила исследователей заниматься не столько доисторическими явлениями, сколько конкретной эпохой средневековья и в еще большей степени, чем мифологическая школа, подчеркнула значение международных связей, в частности связей с Византией и Востоком, связей фольклора и литературы, значение устной передачи сюжетов и мотивов через купцов и крестоносцев, пилигримов и артелей ремесленников.

Вслед за Ф. И. Буслаевым к теории заимствования примкнули русский академик, хорват по национальности, И. В. Ягич, а также академик Александр Н. Веселовский, академик И. П. Жданов и др.

Последователи теории заимствований исследовали по преимуществу влияние восточной поэтической культуры на Запад. В этом влиянии особая роль отводилась арабам и буддизму, но более всего, как стране восточных сюжетов и мотивов, — Византии. Тем самым выросло в общемировом литературном обмене не только значение византийской литературы, но отчасти

и древнерусской. Традиционно пренебрежительное отношение к Византии постепенно исчезало, а с ним вместе исчезало и пренебрежение литературой древнерусской — по крайней мере у специалистов-филологов. Возросло значение Византии и как хранительницы античного классического литературного наследия.

В отличие от Ф. И. Буслаева и А. Н. Веселовского, Н. С. Тихонравов был, по существу, первым историком русской литературы, выдвинувшим перед этой наукой новые задачи. Н. С. Тихонравов заявил, что история литературы не должна быть «сборником эстетических разборов» избранных писателей и не должна служить «праздному удивлению» «литературными корифеями». История литературы должна уяснить «исторический ход литературы» в связи с умственным и нравственным состоянием того общества, которому литература принадлежит.

Заслуги Н. С. Тихонравова сказались также в двух областях. Он основывал изучение литературы на изучении истории. Культурно-историческая школа, возглавлявшаяся Н. С. Тихонравовым, при всех ее недостатках имела, однако, то достоинство, что она стремилась толковать литературные произведения на основе исторических данных. При этом Н. С. Тихонравов в своих взглядах на русскую историю и литературу далеко отошел от официальных точек зрения и проявлял особый интерес к запрещенным церковью произведениям. Вторая важная заслуга Н. С. Тихонравова заключалась в том, что он издал множество памятников и сделал это для своего времени точно и разумно. Культура издания древнерусских текстов, достигшая ко второй половине XIX в. высокого уровня, помогла Н. С. Тихонравову и при издании текстов русских классиков нового времени (Н. В. Гоголя, переписки Н. И. Новикова и др.) и фольклора.

Интерес представляют и труды по древней русской литературе академика А. Н. Пыпина (1833—1904). В юности А. Н. Пыпин испытал сильное влияние своего двоюродного брата — Н. Г. Чернышевского, но затем примкнул к буржуазно-демократическому просветительству. Он интересовался преимущественно общественно-идеологическим аспектом литературы, подчеркивал связь литературы с жизнью народа. Поэтому он занимался этнографией и народным творчеством, интересовался прежде всего теми жанрами, в которых выражаются по преимуществу взгляды народа (апокрифы, старинные повести, публицистика), но которые мало интересовали «эстетическую» критику. Ему принадлежит свыше 1200 научных трудов. Не утратила своего научного значения одна из первых его больших работ — «Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских» (Спб., 1857).

В научном творчестве четвертого гиганта русского литературоведения — А. Н. Веселовского — сказались многие особенности, присущие научным установкам его великих предшественников: Ф. И. Буслаева и Н. С. Тихонравова.

А. Н. Веселовский внес в область изучения древнерусской литературы поразительную широту знаний. Русское, византийское и западноевропейское средневековье были им сближены не только в отдельных сюжетах и мотивах, общность которых он установил, но и в самих эстетических принципах и закономерностях развития, что было особенно важно. В этом отношении А. Н. Веселовский был гораздо «реалистичнее» основателя сравнительно-исторического метода Т. Бенфея. Он искал не только факты общения литератур между собой, но и конкретно-историческое объяснение этих фактов. Кроме того, и это особенно важно, А. Н. Веселовский интересовался не только творчеством передовых народов, но и тех, которые находились на сравнительно низком уровне культурного развития. Все народы в своем литературном общении были для него равными. Для него не существовало литературной элиты: он интересовался общением всех литератур, сильных и слабых, произведениями «средних» авторов, явлениями массового характера. И этому общению он не приписывал роль единственного источника литературных сюжетов и мотивов. Замечательно, что А. Н. Веселовский резко возражал против попытки известного художественного критика В. В. Стасова возвести происхождение русских былин только к восточным источникам.

Как и Н. С. Тихонравов, А. Н. Веселовский особенно интересовался в древней русской литературе произведениями с неортодоксальной, народной точкой зрения на мир: духовными стихами, апокрифами, легендами и житиями святых (отмечу, что из всех жанров церковной литературы жития святых допускают наибольшие отклонения от официальных, канонических воззрений). Высокий уровень русской филологической науки поддерживался удачной организацией академической издательской деятельности.

В 50-х гг. XIX в. стали выходить под редакцией И. И. Срезневского два выдающихся филологических журнала: «Известия Академии наук по Отделению русского языка и словесности» (1852—1863) и «Ученые записки II Отделения Академии наук» (1854—1863), продолженные затем «Сборниками Отделения русского языка и словесности» (с 1867 г. вышло около 90 томов). Возобновившиеся в 1896 г. по инициативе академика А. А. Шахматова «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук» стали одним из лучших филологических журналов мира. Здесь было напечатано множество исследований по древней русской литературе, свидетельствующих о высоком уровне русской науки конца XIX — начала XX в. «Известия» не утратили своего научного значения и до сих пор.

В конце XIX и первой четверти XX в. на основе огромного опыта русской науки по изданию памятников и на основе критического пересмотра принципов западноевропейской формалистической текстологии развились научные принципы русской классической текстологии.

С конца XIX в. Академия наук в Петербурге становится передовым центром текстологических исследований, значительно опередивших по своему методу западноевропейские.

Независимо друг от друга А. А. Шахматов (1864—1920) в Петербурге и В. Н. Перетц (1870—1935) в Киеве (в 1914 г. последний избирается в Академию наук и переезжает в Петроград) создают каждый свою, но в чем-то и общую школу текстологических исследований памятников древнерусской (а второй — древнеукраинской) литературы. В противоположность господствовавшей на Западе текстологической школе К. Лахмана и его учеников, для которых главным при издании текста была формальная классификация разночтений без анализа причин их возникновения, А. А. Шахматов и В. Н. Перетц стремились представить конкретную «литературную историю» памятника во всех его редакциях, видах и изводах. Для обоих ученых главное значение имели в этой истории ее создатели — автор, а за ним часто неизвестные редакторы и переписчики, руководствовавшиеся в своей работе определенными идеями и целями, а иногда и литературными вкусами.

А. А. Шахматов, а вслед за ним и В. Н. Перетц положили в основу своих текстологических исследований принцип историзма, принцип изучения текста в его истории, во всех его изменениях.

Оценивая сейчас новые идеи в текстологии, внесенные в науку обоими академиками, мы можем заметить и крупные различия между ними. Свою текстологическую практику А. А. Шахматов развивал главным образом на наиболее сложном материале — материале летописей, где очень трудно определить не только отдельные редакции, но и отдельные памятники, где текстологические связи намечаются между всеми произведениями летописного жанра. Соответственно его текстология разработала наиболее тонкие приемы интерпретации текста.

В. Н. Перетц был литературовед по преимуществу, и он достиг наибольших успехов в литературоведческой интерпретации всех изменений текста и его отдельных редакций. Выдающееся значение имели и его наблюдения по конкретным фольклорно-литературным связям, по переходу отдельных произведений из одной литературы в другую, из среды в среду, из литературы в фольклор и обратно.

Исторический принцип при изучении текстов не был случайностью, развитие не только текстологии, но и всего изучения древнерусских памятников в XIX и XX вв. все более становилось на прочную научную основу историзма. Постепенное овладение историческим подходом характерно для всех крупнейших ученых, изучавших древнюю русскую литературу.

Советское литературоведение явилось наследником серьезных достижений предшествующего периода, выросло на обширной базе исследовательской литературы и систематической археографической (собирательской, описательной и публикаторской)

деятельности. Советское изучение древней русской литературы развило лучшие традиции дореволюционной академической науки, постепенно отходя от ее ограниченности и общеметодологических недостатков.

Экспедиционные сборы рукописей замерли на некоторое время в 20-х гг. XX в. в связи с общими трудностями того периода. Однако работы по систематическому описанию рукописей продолжали вестись, чему немало способствовала проводимая в то время концентрация рукописных собраний в отдельных центральных крупных книгохранилищах.

В 20-х и 30-х гг. (до 1936 г.) должна быть отмечена деятельность Комиссии по изданию памятников древнерусской литературы, работа коллектива квалифицированных ученых по созданию ставшей крайне необходимой для всех интересующихся древнерусской литературой картотеки академика Н. К. Никольского (1863—1936), соединившей в себе сведения по рукописям отдельных памятников, хранившимся в различных учреждениях, и дававшей возможность быстро находить необходимый рукописный материал по отдельным произведениям (картотека хранится в Рукописном отделении Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде).

Такое же значение, как и картотека Н. К. Никольского, имела и создававшаяся в 30-х гг. картотека сектора древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР (в Ленинграде), в которой давались сведения о рукописях, изданиях и исследованиях отдельных памятников. Работа по этой картотеке, однако, прервалась в конце 30-х гг.

Картотеки Н. К. Никольского и сектора древнерусской литературы, несмотря на свою незаконченность, до сих пор служат незаменимым пособием для всех исследователей древней русской письменности.

С середины 30-х гг. по инициативе В. И. Малышева (1910—1976) возобновилась экспедиционная работа по сбору рукописей. Эта работа спасла от гибели множество рукописей, по разным причинам переставших зачастую к этому времени цениться своими владельцами. В настоящее время поиски рукописей ведутся, помимо Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР, рукописными отделениями Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Государственной публичной библиотеки в Ленинграде, Библиотеки Академии наук СССР в Ленинграде, Московского и Ленинградского университетов, Сибирского отделения АН СССР и др.

В результате концентрации после Октябрьской революции большинства рукописных собраний в немногих центральных хранилищах и образования справочных картотек по рукописям изучение древнерусского рукописного наследия смогло пойти по более строгому и научному пути. Еще в дореволюционной академической науке академик А. А. Шахматов и академик В. Н. Перетц указывали на необходимость изучать литератур-

ную историю памятников на основе привлечения всего сохранившегося рукописного материала, всех сохранившихся списков произведения. Требование это в новых условиях могло быть осуществлено при дальнейшем издании памятников. Но не только концентрация рукописных фондов способствовала внедрению в научную практику давно уже выдвинутых исследователями принципов. В не меньшей степени тому же способствовала и концентрация государством самих исследователей в нескольких центрах изучения древнерусской литературы, из которых главными следует признать два: сектор древнерусской литературы в Институте русской литературы АН СССР, организованный в 1934 г., и с перерывами функционировавшую группу по изучению древней русской литературы в Институте мировой литературы АН СССР. В созданных в 30-х гг. центрах изучения русской литературы X—XVII вв. стали вестись коллективные исследования, предпринимались серийные издания и создавались обобщающие труды. Стали возможны также коллективные усилия по экспедиционным поискам рукописей, их библиографированию и описанию. Были открыты или систематически изучены новые произведения и целые разделы литературы.

Главнейшие разделы этих новых областей подверглись систематическому изучению.

Несомненно, одна из самых значительных и важных областей русской литературы XVII в. — это так называемая демократическая сатира. Отдельные произведения демократической сатиры были известны и в XIX в., но они обычно относились к низшему роду литературы, и им не придавалось особого значения. Поэтому произведения эти не изучались и очень мало публиковались. Заслуга установления историко-литературного значения демократической сатиры XVII в., научного опубликования полного свода ее памятников принадлежит В. П. Адриановой-Перетц¹. Она показала, что сатирическая литература имеет огромное значение как выражение идей эксплуатируемых слоев народа. В сатирической литературе XVII в. перед нами предстал целый пласт литературы городского посада: ремесленников, мелких торговцев, крестьян и низшего, связанного с народом, оппозиционно настроенного духовенства.

В области изучения летописей советские исследователи, продолжая работы А. А. Шахматова, создали общую историю русского летописания. Впервые история летописания предстала перед нами в трудах М. Д. Приселкова (1881—1941) и А. Н. Насонова (1898—1965) в своем сложном развитии от XI и до XVI в. как история, тесно связанная с политической мыслью Древней Руси. Четкие хронологические вехи, наметившиеся в

¹ По этому вопросу см. итоговую работу В. П. Адриановой-Перетц: Русская демократическая сатира XVII века. Подготовка текстов, статья и комментарии В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954 (второе издание вышло в 1977 г.).

истории русского летописания, позволили «привязать» к ним и другие произведения древнерусской литературы. Так, например, датировки отдельных летописных сводов облегчили датировку многих связанных с ними произведений: исторических повестей, житий, хождений, посланий и т. д. Летописание явилось тем костяком, благодаря которому удалось распределить в исторической перспективе произведения древнерусской литературы, в большинстве своем безымянные, а потому и трудно хронологически определяемые. История летописания оказалась основой для построения истории литературы. В связи с этим и само летописание стало рассматриваться с историко-литературной точки зрения: изучалась история летописания как история литературного жанра, беллетристические и художественные элементы летописания, его связь с фольклором. Литературоведческая интерпретация истории русского летописания была сделана в книге Д. С. Лихачева «Русские летописи» (М.—Л., 1947). Если раньше фольклористы искали в летописи следы тех исторических событий, которые легли в основу былинных сюжетов, то теперь, после Октябрьской революции, исследователи искали и обратное: отражение в летописи фольклорных сюжетов¹. Большое значение для определения связей былин и летописей имеют труды Б. А. Рыбакова².

Расширение репертуара русской книжности выразилось и в том, что к историко-литературному изучению стали привлекаться целые разряды памятников, на эстетическую ценность которых до того не обращалось должного внимания. Литературоведы включили в историю литературы летописи, хронографы, некоторые так называемые «подложные» документы и пр. Историко-литературному изучению подверглись произведения Иосифа Волоцкого, впервые оцененные в трудах И. П. Еремина³. Был издан даже целый том «Новонайденных и неопубликованных произведений древнерусской литературы»⁴.

Из отдельных вновь найденных произведений назовем «Повесть о Сухане», открытую, изученную и опубликованную В. И. Малышевым, сочинения Ермолая-Еразма, открытые и изученные В. Ф. Ржигой, произведения Андрея Белобоцкого, открытые и изученные А. Х. Горфункелем, отдельные книжные песни, найденные и изданные А. В. Позднеевым, произведения справщика Савватия, изученные Л. С. Шептаевым, и пр. Особое значение имеет труд О. В. Творогова «Древнерусские хроно-

¹ Полный перечень исследований летописания в пределах до 1960 г. см. в кн.: Библиография русского летописания. Составила Р. П. Дмитриева. М.—Л., 1962.

² См.: Рыбаков Б. А. Древняя Русь, сказания, былины, летописи. М., 1963.

³ См.: Еремин И. П. Литература Древней Руси. Этюды и характеристики. Л., 1966.

⁴ См.: Труды Отдела древнерусской литературы (в дальнейшем — ТОДРЛ), т. XXI, 1965.

графы» (Л., 1975), в котором исследован большой хранящийся в рукописях материал хронографов.

Расширение репертуара известных памятников было поддержано также огромным увеличением привлекаемых к изданиям и исследованиям списков того или иного памятника, благодаря чему стали известны их новые редакции и новые виды. Вновь открытые редакции сделали возможным полнее представить литературную историю отдельных памятников и благодаря этому пополнить наши представления об историко-литературном процессе.

Институт русской литературы АН СССР издает серию монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы. Исходя из того факта, что многие памятники древнерусской литературы не изданы вовсе, другие изданы без учета всех сохранившихся рукописей, а третьи были изданы давно и при этом также неудовлетворительно, редакторы этой серии ставили себе целью всесторонне исследовать по всем сохранившимся рукописям особенно значительные памятники и издать их заново с приложением более полного их исследования.

Особенно следует отметить следующие публикации в этой серии: «Сказание о князьях владимирских»¹, «Сказание Авраамия Палицына»², «Повесть о Сухане»³, «Артаксерксово действо»⁴, «Повесть о житии Михаила Клопского»⁵, сочинения Вассиана Патрикеева⁶, «Девгениево деяние»⁷, «Новая повесть о преславном Российском царстве»⁸, «Повесть о Дракуле»⁹, «Повести о начале Москвы»¹⁰, «Повесть о споре жизни и смерти»¹¹, «Слово о погибели Русской земли»¹², «Повесть о Петре и Фев-

¹ См.: Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955.

² См.: Сказание Авраамия Палицына/Подгот. текста и комментарии О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. М.—Л., 1955.

³ См.: Малышев В. И. «Повесть о Сухане». Из истории русской повести XVII века. М.—Л., 1956.

⁴ См.: Артаксерксово действо. Первая пьеса русского театра XVII в. Подготовка текста, статья и комментарии И. М. Кудрявцева. М.—Л., 1957.

⁵ См.: Повести о житии Михаила Клопского/Подгот. текстов и статья Л. А. Дмитриева. М.—Л., 1958.

⁶ См.: Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.—Л., 1960.

⁷ Кузьмина В. Д. «Девгениево деяние» («Деяние прежних времен храбрых человек»). М., 1962.

⁸ См.: Дробленкова Н. Ф. «Новая повесть о преславном Российском царстве» и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.—Л., 1960.

⁹ См.: Повесть о Дракуле/Исслед. и подгот. текстов Я. С. Лурье. М.—Л., 1964.

¹⁰ См.: Повести о начале Москвы/Исслед. и подгот. текстов М. А. Салминой. М.—Л., 1964.

¹¹ См.: Повести о споре жизни и смерти/Исслед. и подгот. текстов Р. П. Дмитриевой. М.—Л., 1964.

¹² См.: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.—Л., 1965.

ронию»¹. Всего вышло двадцать два выпуска этой серии.

Ряд произведений древнерусской литературы вышел в серии «Литературные памятники». Эта серия имела разносторонние задачи по изданию памятников разных эпох и народов, и в ней вышли научные издания целого ряда памятников древнерусской литературы: «Повести временных лет»², «Слова о полку Игореве»³, «Воинских повестей древней Руси»⁴, «Хождения за три моря Афанасия Никитина»⁵, «Посланий Ивана Грозного»⁶, статейных списков древнерусских послов⁷, сочинений Симеона Полоцкого⁸, «Временника Ивана Тимофеева»⁹, «Русской демократической сатиры XVII века»¹⁰, «Повестей о Куликовской битве»¹¹, «Александрии»¹². Наконец, отдельные произведения издавались и вне каких-либо серий: «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков»¹³, «Жизнеописания Аввакума и Епифания»¹⁴, «Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв.»¹⁵. Каждое из этих изданий представляло памятник не в каком-либо одном, искусственно созданном «каноническом» тексте, а во всех его дошедших видах. Текст каждого памятника публикуется в этих изданиях в его движении, в изменениях в различной среде и в различные эпохи. Такие издания оказались чрезвычайно важными в историко-литературном плане, позволив проследить изменения идей, литературных стилей,

¹ См.: Повесть о Петре и Февронии/Подгот. текстов и исслед. Р. П. Дмитриевой. Л., 1979.

² См.: Повесть временных лет, ч. I. Текст и перевод; ч. II. Приложения/Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950.

³ См.: Слово о полку Игореве/Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950.

⁴ См.: Воинские повести Древней Руси/Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1949.

⁵ См.: Хождение за три моря Афанасия Никитина. М.—Л., 1948; 2-е изд.—1958.

⁶ См.: Послания Ивана Грозного/Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951.

⁷ См.: Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статьи списки. М.—Л., 1954.

⁸ См.: Полоцкий Симеон. Избранные сочинения/Подгот. текста, статья и коммент. И. П. Еремина. М.—Л., 1953.

⁹ См.: Временник Ивана Тимофеева/Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951.

¹⁰ См.: Русская демократическая сатира XVII века/Подгот. текстов, статья и коммент. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1954 (2-е изд. вышло в 1977 году).

¹¹ См.: Сказания и повести о Куликовской битве. Издание подготовили Л. А. Дмитриев и О. П. Лихачева. Л., 1982.

¹² См.: Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века/Издание подгот. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье и О. В. Творогов. М.—Л., 1965.

¹³ См.: Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков/Подгот. текста и статьи В. И. Малышева. М.—Л., 1952.

¹⁴ См.: Робинсон А. Н. Жизнеописания Аввакума и Епифания. Исследования и тексты. М., 1963.

¹⁵ См.: Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв./Вступит статья, подгот. текста и примеч. А. М. Панченко. Л., 1970.

требований, предъявляемых к памятнику читателями и переписчиками. Эти издания оказались в подлинном смысле этого слова историко-литературными, отвечающими задачам построения истории литературы.

Наиболее значительные исследования по древней русской литературе начиная с 1932 г. печатаются в выходящих почти ежегодно «Трудах Отдела древнерусской литературы» Института русской литературы (ныне существующий в этом институте сектор древнерусской литературы первоначально назывался отделом) АН СССР. Последний (тридцать девятый) том вышел в 1985 г. В Москве группа по изучению древнерусской литературы, работающая в Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, выпускает «Исследования и материалы по древнерусской литературе» (вышли пять выпусков: 1961, 1967, 1971, 1976 и 1978 гг.)

Остановимся теперь на тех общих курсах и учебниках истории древнерусской литературы, которые не утратили своего значения до сих пор.

В 1938 г. был опубликован учебник Н. К. Гудзия «Древняя русская литература». Это был первый учебник по истории литературы, свободный от вульгарного социологизма. В дальнейшем этот учебник неоднократно переиздавался. Он не утратил своего значения и до сих пор. Он дает ясное представление о памятниках, хорошо излагает материал, частично пересказывая содержание произведений.

Немного раньше учебника Н. К. Гудзия вышел курс лекций академика А. С. Орлова «Древнерусская литература XI—XVI вв.» (М.—Л., 1937). В этом курсе лекций обращает на себя внимание попытка дать анализ главным образом художественной стороны отдельных памятников. Безусловным достоинством курса является характеристика литературы XVI в. В 1939 г. курс был переиздан под названием «Курс лекций по истории древней русской литературы», а в 1946 г. он вышел с добавлением краткой характеристики литературных памятников XVII в.

Вслед за курсом А. С. Орлова вышли три коллективных академических истории древней русской литературы. Перед Великой Отечественной войной в издании Института русской литературы вышел первый том, посвященный древнему периоду, трехтомной «Истории русской литературы»¹, так и оставшейся, к сожалению, незавершенной. Перед войной же и непосредственно во время войны были изданы два тома (второй том в двух частях) десятитомной «Истории русской литературы» Института русской литературы АН СССР². Это самая обширная история древней

¹ См.: История русской литературы/Под ред. В. А. Десницкого. М., 1941, т. I, ч. 1—2.

² См.: История русской литературы, т. I (Литература XI — начала XIII века). М.—Л., 1941; т. II, ч. 1 (Литература 1220—1580-х гг.). М.—Л., 1945; т. II, ч. 2 (Литература 1590—1690 гг.). М.—Л., 1948.

русской литературы из всех когда-либо выходивших. Она не только наиболее объемиста, но и наиболее полна по числу включенных в рассмотрение памятников. Здесь анализируются многие памятники, дотоле не включавшиеся в историю литературы. Памятники выбирались художественные, но критерий отнесения памятника к числу художественных был очень широк. Авторы сделали попытку расширить светские разделы литературы, включив в обозрение летописи, хронографы, многочисленные исторические и историко-бытовые повести, сатирические произведения XVII в., записи фольклора и т. п. Историко-литературные явления рассматриваются на широком историческом фоне, в связи с общекультурными изменениями, в связи с историей русского искусства. К написанию этой истории древней русской литературы наряду со всеми тогдашними крупными литературоведами — «древниками» были привлечены виднейшие специалисты искусствоведы (Д. В. Айналов, Н. Н. Воронин) и крупнейшие из тогдашних историков (М. Д. Приселков). Существенным недостатком этой истории литературы является почти полное отсутствие библиографии, указателей (авторов и произведений) и неполное оглавление.

В ряду академических историй древней русской литературы следует упомянуть первый том «Истории русской литературы»¹, издававшейся в трех томах совместно двумя академическими институтами: Институтом русской литературы (Пушкинским домом) АН СССР и Институтом мировой литературы АН СССР. В первом томе в сжатой форме дан обзор развития древней русской литературы с исправлением периодизации и с попыткой охарактеризовать памятники, на основании новых исследований о них, накопившихся со времени выхода в свет первых двух томов десятитомной «Истории русской литературы».

Хороший краткий учебник принадлежит профессору Московского университета В. В. Кускову: «История древнерусской литературы» (4-е изд., исправл. и доп. М., 1982)².

Литература

Маркс К., Энгельс Ф. Об искусстве. М., 1983, т. 1—2.

Ленин В. И. О литературе и искусстве. М., 1979.

Белинский В. Г. Статьи о народной поэзии. — Полн. собр. соч. М., 1954, т. 5, с. 332—351.

¹ См.: История русской литературы в 3-х т./Под ред. Д. Д. Благого, т. I. М.—Л., 1958. (Первый том переведен на болгарский язык и вышел в Софии в 1960 г.)

² Легко доступен несколько раз переиздававшийся учебник Н. В. Водовозова «История древней русской литературы» (М., 1972, 3-е изд.). Учебник этот имеется во многих библиотеках. Однако при пользовании им следует иметь в виду, что в нем отсутствуют многие памятники, а другим даны субъективные характеристики, датировки и атрибуции.

Добролюбов Н. А. О степени участия народности в развитии русской литературы. — Полн. собр. соч. М., 1934, т. I. Он же. Избр. соч. М.—Л., 1948, с. 23—53.

Горький М. О литературе. Литературно-критические статьи. М., 1953; М., 1955; М., 1961.

Хрестоматии и антологии. Гудзий Н. К. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII вв. 1—8-е изд. М., 1935—1973; «Изборник» (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969 («Библиотека всемирной литературы», сер. I, т. XV. Вступ. статья Д. С. Лихачева «Первые семьсот лет русской литературы»); Древняя русская литература. Хрестоматия/Сост. Н. И. Прокофьев. М., 1980.

Обобщающие исследования. Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.—Л., 1958; 2-е изд., 1970; Он же. Развитие русской литературы X—XVII в. Эпохи и стили. Л., 1973; Истоки русской беллетристики (Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе). Л., 1970.

Поэтика древнерусской литературы. Адрианова-Петр В. П. Очерки поэтического стиля Древней Руси. М.—Л., 1947; Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. 1—3-е изд. Л., 1967—1979.

Подведем некоторые итоги литературного развития.

Как и большинство других народов Европы, Русь миновала рабовладельческую формацию. Поэтому Русь не знала античной стадии в развитии своей культуры. Непосредственно от общинно-патриархальной формации восточные славяне перешли к феодализму. Этот переход совершился необыкновенно быстро на огромной территории, населенной восточнославянскими племенами и различными угро-финскими народностями.

Жанры средневековой русской литературы были тесно связаны с их употреблением в быту — светском и церковном. В этом их отличие от жанров новой литературы.

В средние века все искусства, и в их числе литература, носили «прикладной» характер. Богослужение требовало определенных жанров, предназначенных для определенных же моментов церковной службы. Некоторые жанры имели свое назначение в сложном монастырском быту. Даже келейное чтение (индивидуальное чтение монахов) имело жанровую регламентацию. Отсюда несколько типов житий, несколько типов церковных песнопений, несколько типов книг, регламентирующих богослужение, церковный и монастырский быт, и т. д. В жанровую систему входили даже такие жанрово не повторяющиеся произведения, как евангелия, псалмы, апостольские послания и пр.

Уже из этого беглого и крайне обобщенного перечисления церковных жанров ясно, что часть из них могла развиваться в своих недрах новые произведения (например, жития святых, которые должны были создаваться в связи с новыми канонизациями), а часть жанров была строго ограничена существующими произведениями, и создание новых произведений в их пределах было невозможно. Однако и те и другие не могли измениться: формальные признаки жанров были строго обусловлены особенностями их употребления и традиционными признаками.

Несколько менее стеснены внешними формальными и традиционными требованиями были светские жанры. Эти светские жанры не связывались с определенным употреблением в быту и поэтому были более свободными в своих внешних, формальных признаках.

Обслуживая регламентированный и очень церемониальный средневековый быт, жанровая система литературы не удовлетворяла, однако, всех потребностей в художественном слове.

Грамотные верхи феодального общества имели в своем распоряжении и книжные, и устные жанры. Неграмотные народные массы удовлетворяли свои потребности в художественном слове с помощью устной системы жанров. Книжность была только отчасти доступна народным массам через богослужение.

Литературно-фольклорная жанровая система словесного искусства русского средневековья была в отдельных своих частях более жесткой, в других — менее жесткой, но если ее брать в целом, она была очень традиционной, сильно формализованной, мало меняющейся, тесно связанной с обрядовыми обычаями. Чем более она была жесткой, тем настоятельнее она подвергалась изменению в связи с переменами в исторической действительности, в быте, в обрядах и в требованиях применения. Она должна была реагировать на все изменения в действительности, как бы «взламываться» ими.

Раннефеодальные государства были очень непрочными. Единство государства постоянно нарушалось раздорами феодалов, отражавшими центробежные силы общества. Чтобы удержать единство, требовались высокая общественная мораль, высокое чувство чести, верность, самоотверженность, развитое патриотическое самосознание и высокий уровень словесного искусства — жанров политической публицистики, жанров, воспевающих любовь к родной стране, жанров лиро-эпических.

Единство государства, при недостаточности связей экономических и военных, не могло существовать без интенсивного развития личных патриотических качеств. Нужны были произведения, которые ясно свидетельствовали бы об историческом и политическом единстве русского народа. Нужны были произведения, которые активно выступали против раздоров князей. Особенностью древнерусской литературы этого периода являлось сознание единства всей Русской земли без каких-либо племенных различий, сознание единства русской истории и государства.

Вот почему, несмотря на наличие двух взаимодополняющих систем жанров — литературной и фольклорной, русская литература XI—XIII вв. находилась в процессе жанрообразования. Разными путями, из различных корней постоянно возникают произведения, которые стоят особняком от традиционных систем жанров, разрушают их либо творчески объединяют. В результате поисков новых жанров в русской литературе и в фольклоре появляется много произведений, которые трудно отнести к какому-нибудь из прочно сложившихся традиционных жанров. Они стоят вне жанровых традиций.

Ломка традиционных форм вообще была довольно обычной на Руси. Все более или менее выдающиеся произведения литературы, основанные на глубоких внутренних потребностях, вырываются за пределы традиционных форм.

В этой обстановке интенсивного жанрообразования некоторые произведения оказались единичны в жанровом отношении

(«Моление» Даниила Заточника, «Поучение», «Автобиография» и «Письмо к Олегу Святославичу» Владимира Мономаха), другие получили устойчивое продолжение (Начальная летопись — в русском летописании, «Повесть об ослеплении Василька Тербовльского» — в последующих повестях о княжеских преступлениях), третьи имели лишь отдельные попытки продолжить их в жанровом отношении («Слово о полку Игореве» — в «Задонщине»).

Отсутствие строгих жанровых рамок способствовало появлению многих своеобразных и высокохудожественных произведений.

Процессы жанрообразования способствовали интенсивному использованию в этот период опыта фольклора (в «Повести временных лет» и других летописях, в «Слове о полку Игореве», в «Слове о погибели Русской земли», в «Молении» и «Слове» Даниила Заточника и т. д.). Процесс жанрообразования, осуществляющийся в XI—XIII вв., возобновился в XVI в. и протекал довольно интенсивно в XVII в.

Пропуск античной стадии в развитии культуры поднял значение литературы и искусства в развитии восточного славянства. На литературу и другие искусства выпала, как мы видели, ответственнейшая роль — поддержать ускоренное развитие русского общества в XI — начале XIII в. и ослабить отрицательные стороны этого ускоренного развития: распад Русского государства и раздоры князей. Вот почему общественная роль всех видов искусства была чрезвычайно велика в XI—XIII вв. у всех восточных славян.

Чувство истории, чувство исторического единства, призывы к политическому единению, разоблачения злоупотреблений властью распространялись на огромную территорию с большим и пестрым разноплеменным населением, с многочисленными полусамостоятельными княжествами.

Уровень искусств соответствовал уровню общественной ответственности, которая выпала на их долю. Но эти искусства не знали все же собственной античной стадии — только отклики чужой через Византию. Поэтому, когда в России в XIV и начале XV в. создались социально-экономические условия для возникновения Предвозрождения и это Предвозрождение действительно возникло, оно сразу в историко-культурном отношении было поставлено в своеобразные и невыгодные условия. Роль «своей античности» выпала на Русь домонгольскую, Русь периода ее независимости.

Литература конца XIV — начала XV в. обращается к памятникам XI — начала XIII в. Отдельные произведения этого времени стилистически подражают «Слову о законе и благодати» митрополита Илариона, «Повести временных лет», «Слову о разорении Рязани» и, самое главное, «Слову о полку Игореве» (в «Задонщине»). В зодчестве замечается аналогичное обращение к памятникам XI—XIII вв. (в Новгороде, Твери, Владими-

ре), то же происходит в живописи, то же — в политической мысли (стремление возродить политические традиции Киева и Владимира Залесского), то же — в народном творчестве (на это время приходится особенно интенсивное формирование киевского цикла былин). Но все это оказывается недостаточным для Предвозрождения, и поэтому особое значение имеет укрепление связей со странами, пережившими античную стадию культуры. Русь возрождает и укрепляет свои связи с Византией и со странами византийского культурного ареала, прежде всего с южными славянами.

Одна из характернейших и существеннейших черт Предвозрождения, а затем, в большей мере, Возрождения — это появление историчности сознания. Статичность предшествующего восприятия мира сменяется в сознании этого времени динамичностью. Этот историзм сознания связан со всеми основными чертами Предвозрождения и Возрождения.

Прежде всего историзм органически связан с открытием ценности отдельной человеческой личности и с особым интересом к историческому прошлому. Представление об исторической изменяемости мира связано с интересом к душевной жизни человека, с представлением о мире как о движении, с динамизмом стиля. Ничто не закончено, а поэтому и невыразимо словами; текущее время неуловимо. Его может лишь в известной мере воспроизвести поток речи, динамический и многоречивый стиль, нагромождение синонимов, обертоны смысла, ассоциативные ряды.

Предвозрождение в русском изобразительном искусстве сказывается прежде всего в творчестве Феофана Грека и Андрея Рублева. Это два резко различных художника, но тем характернее они для Предвозрождения, когда вступает в свои права роль личности художника и индивидуальные различия становятся типичными явлениями эпохи. Слабее сказывается Предвозрождение в литературе. Для Предвозрождения характерны «филологические» интересы книжников, «плетение словес», эмоциональность стиля и пр. Когда начиная с середины XV в. стали падать один за другим основные предпосылки образования Возрождения, русское Предвозрождение не перешло в Ренессанс, так как погибли города-коммуны (Новгород и Псков), борьба с ересями оказалась удачной для официальной церкви. Процесс образования централизованного государства отнимал многие духовные силы. Связи с Византией и западным миром ослабели из-за падения Византии и появления Флорентийской унии, обострившей недоверие к странам католичества.

Каждый великий стиль и каждое мировое движение имеет свои исторические функции, свою историческую миссию. Возрождение связано с освобождением человеческой личности от средневековой корпоративности. Без этого освобождения не может наступить новое время — в культуре и, в частности, в литературе.

То обстоятельство, что Предвозрождение в России не перешло в Возрождение, имело серьезные последствия: недозревший

стиль стал рано формализоваться и застывать, а живое обращение к «своей античности», постоянное возвращение к опыту домонгольской Руси, к периоду ее независимости вскоре приобрело черты особого консерватизма, сыгравшего отрицательную роль в развитии не только русской литературы, но и русской культуры XVI—XVII вв.

Ренессансный переход к новому времени приобрел затяжной, замедленный характер. В России не было Ренессанса, но были ренессансные явления на протяжении XVI, XVII и частично, XVIII в.

Главное отличие Ренессанса от Предренессанса (Предвозрождения) — его светский характер, освобождение от всепроникающей церковности средневековья.

В XVI в. постепенно и осторожно начинает отходить в прошлое теологический взгляд на человеческое общество. «Законы божественные» еще сохраняют свою авторитетность, но наряду со ссылками на священное писание появляются вполне «ренессансные» ссылки на законы природы. На естественный порядок вещей в природе как на образец для подражания людям в общественной и государственной жизни ссылается ряд писателей XVI в. Проекты Ермолая-Еразма основаны на представлении о том, что хлеб — основа жизни хозяйственной, общественной и духовной. Иван Пересветов в своих писаниях почти не пользуется уже богословскими аргументами. Развитие публицистики в XVI в. связано с верой в силу убеждения, в силу книжного слова. Никогда так много не спорят в Древней Руси, как в конце XV и в XVI вв. Развитие публицистики идет на гребне общественного подъема веры в разум.

Развитие публицистической мысли вызвало появление новых форм литературы. XVI век отмечен сложными и разносторонними исканиями в области художественной формы, в области жанров. Устойчивость жанров нарушена. В литературу проникают деловые формы, а в деловую письменность — элементы художественности. Темы публицистики — темы живой, конкретной политической борьбы. Многие из тем, прежде чем проникнуть в публицистику, служили содержанием деловой письменности. Вот почему формы деловой письменности становятся формами публицистики. Дипломатические послания, постановления собора, челобитные, статейные списки становятся формами литературных произведений.

Использование деловых жанров в литературных целях было одновременно развитием вымысла, до того весьма ограниченного в литературных произведениях, и придания этому вымыслу формы достоверности. Появление вымысла в летописях XVI в. было связано с внутренними потребностями развития литературы в ее самоотделении от деловых функций и вызывалось публицистическими задачами, особенно остро вставшими перед летописью в XVI в. Летопись должна была внушить читателям убеждение в безошибочности и святости государственной власти, а не толь-

ко регистрировать (хотя бы и весьма пристрастно) отдельные исторические факты. Летопись становилась школой патриотизма, школой уважения к государственной власти.

В историю властно вторгается политическая легенда. Русские люди все чаще задумывались над вопросами мирового значения своей страны. Большую известность получила, в частности, теория псковского старца Филофея о сменяющихся друг друга Риме, третьим и последним из которых является Москва.

Политическая легенда явилась одним из проявлений усиления в литературе художественного вымысла. Древнерусская литература предшествующего времени боялась открыто фантастического и воображаемого, как лжи, неправды. Она стремилась писать о том, что было, или о том, что, по крайней мере, принималось за бывшее. Фантастическое могло приходить извне, в переводах: «Александрия», «Повесть об Индийском царстве», «Стефанит и Ихниллат» и др. При этом фантастическое либо принималось за правду, либо считалось притчей, нравоучением, жанрами, существовавшими и в Евангелии.

Развитие древнерусской литературы на протяжении всех ее веков представляет собой постепенную борьбу за право на художественную «неправду». Художественная правда постепенно отделяется от правды бытовой. Литературное воображение как бы легализуется, становится допустимым с точки зрения нового отношения к литературе и миру. Но, вступая в свои права, фантастика долго маскируется под изображение бывшего, действительно существовавшего или существующего. Вот почему в XVI в. жанр документа как формы литературного произведения вступает в литературу одновременно с вымыслом.

Движение литературы к документу и документа к литературе представляет собой закономерный процесс постепенного «размыывания» границ между литературой и деловой письменностью. Процесс этот в литературе был связан с деловой жизнью Русского государства, со встречным процессом роста и становления жанров государственного делопроизводства и появления архивов. Он был крайне необходим для разрушения старой и становления новой системы жанров, для «эмансипации» и секуляризации литературы.

С судьбами идейной и жанровой жизни литературы сопряжены и все изменения литературных стилей. Эмоциональный стиль, выработавшийся в конце XIV — начале XV в., не смог перейти в стиль Возрождения в конце XV и в XVI в. Поэтому судьба этого стиля, искусственно заторможенного в своем развитии, сложилась неблагоприятно. Стиль этот сильно формализуется, отдельные приемы окостеневают, начинают механически применяться и повторяться, литературный этикет крайне усложняется, а в результате этого усложнения исчезает четкость его употребления. Появляется некоторый «этикетный маньеризм». Все очень пышно, и все очень сухо и мертво. Это совпадает с ростом официальности литературы. Этикетные и стилистические формулы,

каноны употребляются не потому, что этого требует содержание произведения, как раньше, а в зависимости от официального — государственного и церковного — отношения к тому или иному описываемому в произведении явлению. Произведения и их отдельные части растут, становятся большими. Красота подменяется размерами. Возникает тяга к монументальности, которая, в отличие от домонгольского периода, главным своим признаком имеет большие размеры, масштабы. Авторы стремятся воздействовать на своих читателей величиной своих произведений, длиной похвал, многочисленностью повторений, сложностью стиля.

XVII век — век подготовки радикальных перемен в русской литературе. Начинается перестройка структуры литературы как целого. Чрезвычайно расширяется количество жанров за счет введения в литературу форм деловой письменности, которым придаются чисто литературные функции, за счет фольклора, за счет опыта переводной литературы. Усиливается сюжетность, развлекательность, изобразительность, тематический охват. И все это совершается в основном в результате огромного роста социального опыта литературы, обогащения социальной тематики, разрастания социального круга читателей и писателей.

Литература разрастается по всем направлениям, ослабевает в своих центростремительных силах, лежащих в основе ее устойчивости как определенной системы. В литературе развиваются центробежные силы. Она становится рыхлой и удобной для перестройки и создания новой системы — системы литературы нового времени.

Особое значение в этой перестройке литературы принадлежит изменениям действительности. События Смуты во многом потрясли и изменили представления русских людей о ходе исторических событий как якобы управляемых волей князей и государей. В конце XVI в. прекратила свое существование династия московских государей, началась крестьянская война, а с нею вместе и польско-шведская интервенция. Вмешательство народа в исторические судьбы страны выразилось в этот период с необыкновенной силой. Народ заявлял о себе не только восстаниями, но и участием в обсуждении будущих претендентов на престол.

Исторические сочинения, посвященные Смуте, свидетельствуют о резком возрастании социального опыта во всех классах общества. Этот новый социальный опыт сказывается в секуляризации исторической литературы. Именно в это время окончательно вытесняется из политической практики, хотя еще и остается в сфере официальных деклараций, теологическая точка зрения на человеческую историю, на государственную власть и на самого человека. Хотя исторические сочинения, посвященные Смуте, говорят о ней как о наказании людей за их грехи, но, во-первых, сами эти грехи рассматриваются в широком общественном плане (главная вина русского народа — «бессловесное молчание» и

общественное попустительство преступлениям властей), а во-вторых, возникает стремление найти реальные причины событий — по преимуществу в характерах исторических лиц. В характеристиках действующих лиц возникает необычное для предшествующего периода совмещение добрых и злых черт, возникает представление о характере, его формировании под влиянием внешних обстоятельств и его изменении. Такого рода новое отношение к человеку не только бессознательно отражается в литературе, но и начинает определенным образом формулироваться. Автор русских статей Хронографа 1617 г. прямо декларирует свое новое отношение к человеческой личности как к сложному соединению злых и добрых черт.

Еще одна черта знаменует новизну подхода к своим темам авторов начала XVII в.: это их субъективизм в интерпретации событий. Эти авторы были по большей части сами активными деятелями Смуты. Поэтому в своих сочинениях они выступают отчасти и как мемуаристы. Они пишут о том, чему были свидетелями, стремятся оправдать собственную позицию, которую они занимали в то или иное время. В их сочинениях уже заложен интерес к собственной личности, который будет интенсивно сказываться в течение всего XVII в.

Несомненно, что в этом историческом повествовании первой четверти XVII в. действовал тот «замедленный Ренессанс», который давал себя знать уже в XVI в. Впрочем, не только «замедленный Ренессанс» сказался в русской литературе XVII в. Были в нем реликты явлений еще более ранних. И в XVII в. продолжает биться слабая жилка лирического отношения к человеку. От XIV и XV в., от «застрявших» в русской культуре элементов Предвозрождения это лирическое отношение, этот стиль умиротворенного психологизма перешел и в XVII в., дав новую вспышку в «Повести о Марфе и Марии», в «Житии Ульянии Осоргиной», в «Повести о Тверском Отроче монастыре». Это вполне закономерно: будучи искусственно заторможена, линия психологического умиротворения продолжала сказываться еще три столетия, противостоя нажиму резких и «холодных» чувств «второго монументализма».

Социальное расширение литературы сказалось и на ее читателях, и на ее авторах. С середины XVII в. появляется демократическая литература. Это литература эксплуатируемого класса. Литература, таким образом, начинает дифференцироваться.

Так называемая «литература посада» — и пишется демократическим писателем, и читается демократическим читателем, и посвящена она темам, близким демократической среде. Она близка фольклору, близка разговорному и деловому языку. Она часто антиправительственна и антицерковна — принадлежит «смеховой культуре» народа. Она во многом подобна народной книге на Западе. Это тоже «замедленный Ренессанс», но несший в себе очень сильное взрывное начало, разрушавшее средневековую систему литературы.

Демократические произведения XVII в. важны для историко-литературного процесса еще в одном отношении. Развитие литературы, даже самое медленное, никогда не совершается равномерно. Литература движется порывами, порывы же всегда связаны с некоторым расширением поля деятельности литературы.

Первое такое значительное расширение осуществилось еще в XV в., когда приход в литературу более дешевого, чем пергамен, писчего материала — бумаги повлек за собой появление массовых форм письменности: сборников, рассчитанных на широкое индивидуальное чтение. Читатель и переписчик часто сливаются в одном лице: переписчик переписывает те произведения, которые ему нравятся, составляет сборники для «неофициального», личного чтения.

В XVII в. — новый толчок в сторону массовости литературы — это произведения демократического характера. Они настолько массовые, что историки литературы XIX и начала XX в. признавали их недостойными изучения — своего рода «заборной литературой». Они пишутся неряшливой или деловой скорописью, редко тотчас же переплетаются, оставаясь в тетрадочках и распространяясь среди малоимущих читателей.

Это второй «прорыв к массовости». Третий будет в XVIII в., когда литература попадет на печатный станок и разовьется журналистика с ее новыми, общеевропейскими жанрами.

Черты, типичные для демократической литературы XVII в., мы можем наблюдать и за ее собственными пределами. Многие перекликается с ней в переводной литературе и, в частности, в переводном псевдорыцарском романе. Демократическая литература не стоит обособленно во всем том новом, что она внесла в историко-литературный процесс.

Смена иностранных влияний, которая произошла в русской литературе XVII в., также характерна для этого периода перехода к типу литератур нового времени. Обычно отмечалось, что первоначальная ориентированность русской литературы на литературы византийского круга сменяется в XVII в. ориентированностью западноевропейской. Но важна не столько эта ориентированность на западные страны, сколько ориентированность на определенные *типы* литератур.

Русская литература, как и всякая большая литература, всегда была тесно связана с литературами различных стран. Связь эта в Древней Руси была не менее значительной, чем в XVIII и XIX вв. Можно даже считать, что русская литература до XVII в. представляла некоторое, впрочем, ограниченное определенными, по преимуществу церковными, жанрами единство с литературами южнославянскими. С развитием национальных начал в жизни всех славянских литератур к XVII в. южнославянские и византийско-славянские связи русской литературы несколько ослабевают и возникают более интенсивные связи с литературами западнославянскими, но тип этих связей уже другой. Эти связи

идут не столько по линии церковных отношений, сколько по линии «беллетристики» и литературы, предназначавшейся для индивидуального чтения. Меняется, следовательно, тип тех иностранных памятников, к которым обращается русская литература. Раньше она обращалась по преимуществу к памятникам средневекового типа, к жанрам, уже традиционно представленным в русской литературе. Теперь же возникает заинтересованность в памятниках, характерных для нового времени, — это особенно заметно в театре, в стихотворстве. Однако на первых порах «вливают» и переводятся не первоклассные произведения, не литературные новинки, а памятники старые и в какой-то мере «провинциальные» (в драматургии, например). Но недалеко то время, когда русская литература войдет в непосредственный контакт с литературой высшего ранга, с первоклассными писателями и их произведениями. Это будет в XVIII веке.

Но дело не только в типах литератур, к которым обращается русская литература. Дело еще и в том, как она к ним обращается. Мы видели, что в XI—XV вв. произведения литератур византийского ареала «трансплантируются» на Русь, «пересаживаются» сюда и здесь продолжают развиваться. Нельзя сказать, что этот тип иноземного воздействия исчез в XVII в., но теперь появляется и новый тип воздействия, характерный для литератур нового времени. В XVII в. переносятся не столько памятники, сколько стиль, литературные приемы, направления, эстетические вкусы и представления.

Как одно из проявлений влияния нового типа может рассматриваться и русское барокко. Русское барокко — это не только отдельные произведения, переведенные с польского или пришедшие с Украины и из Белоруссии. Это прежде всего литературное направление, возникшее под влиянием польско-украинско-белорусского воздействия. Это новые идейные веяния, новые темы, новые жанры, новые умственные интересы и, конечно же, новый стиль.

Всякое более или менее значительное воздействие со стороны осуществляется лишь тогда, когда возникают собственные, внутренние потребности, которые формируют это воздействие и включают его в историко-литературный процесс. Барокко также пришло к нам вследствие своих, достаточно мощных потребностей. Барокко, которое в других странах пришло на смену Ренессансу и являлось его антитезой, оказалось в России по своей историко-литературной роли близким Ренессансу. Оно носило просветительский характер, во многом содействовало освобождению личности и было связано с процессом секуляризации, в противоположность Западу, где в некоторых случаях в начальных стадиях своего развития барокко знаменовало собой как раз обратное — возвращение к церковности.

И все же русское барокко — это не Ренессанс. Оно не может равняться с западноевропейским Ренессансом ни по масштабам, ни по своему значению. Не случайна и его ограниченность во

времени и в социальном отношении — по преимуществу верхами общества. Это объясняется тем, что подготовка к русскому Ренессансу, вылившемуся в формы барокко, шла слишком долго. Отдельные ренессансные черты стали проявляться в литературе еще раньше, чем они смогли слиться в определенное культурное движение. Ренессанс частично «растерял» свои особенности по пути к своему осуществлению.

Поэтому значение русского барокко как своеобразного Ренессанса — перехода к литературе нового времени — ограничивается ролью «последнего толчка», приблизившего русскую литературу к типу литературы нового времени. Личностное начало в литературе, которое до барокко проявлялось эпизодически и в разных сферах, в барокко слагается в определенную систему.

Секуляризация литературы (т. е. приобретение ею чисто светского¹ характера), происходившая в течение всего XVI и первой половины XVII в. и проявлявшаяся в разных сторонах литературного творчества, только в барокко становится полной. Накапливающиеся новые жанры и перемена значения старых жанров именно в барокко приводит к сложению новой системы жанров — системы нового времени.

Появление новой системы жанров — основной признак перехода русской литературы от средневекового типа к типу нового времени.

Не все из историков и искусствоведов признают наличие на Руси Предвозрождения и последующих отдельных ренессансных явлений. Происходит это главным образом потому, что за «идеальный образец» любого Ренессанса принимается Ренессанс итальянский. Он считается единственным и неповторимым. Но дело в том, что Ренессанс как эпоха или ренессансные явления, растянувшиеся на длительный период времени, — это естественный переход от средневековья к Новому времени, переход, традиционно считающийся завершающей фазой средневековья. Существует не только итальянский Ренессанс, но и Ренессанс северо-европейский, чешский и польский и многие другие. Кроме того, Ренессанс (или Возрождение — термины эти мы употребляем в одинаковом значении) не есть оценочная категория. Русь в эпоху своего классического средневековья — в XI — начале XIII в. (до монголо-татарского завоевания) — стояла на уровне других европейских культур, тогда как в эпоху Предвозрождения и последующего «замедленного Возрождения», когда отдельные

¹ Когда мы говорим о «секуляризации», о приобретении литературой и культурой в целом «светского характера», это не означает, что литература и культура в целом становятся атеистическими или даже безрелигиозными. Дело заключается только в приобретении светских форм, светской, не религиозной эстетики, светского способа мышления. Рафаэль или Леонардо продолжают писать на религиозные сюжеты, но их произведения картины, а не иконопись, хотя и могут служить образцами.

возрожденческие элементы постепенно внедрялись в русскую литературу, подготавливая ее переход к новому времени, можно говорить о ее «отставании». Понятие «отставание» мы употребляем условно, так как культуры несравнимы и каждая культура имеет свои непреходящие ценности.

В целом мы должны отметить следующее: весь историко-литературный процесс XI — начала XVIII в. есть процесс формирования литературы как литературы, но литературы, существующей не для себя, а для общества.

Литература — необходимая составная часть истории страны.

Своеобразие древней русской литературы не только в характере ее отдельных произведений, но и в особом ее пути развития — пути, теснейшим образом связанном с русской историей, отвечавшем потребностям русской действительности. Древняя русская литература всегда была занята широкими общественными проблемами своего времени.